

Е.Ю. Шестакова

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического)
федерального университета в г. Северодвинске

ТЕМА ДЕТСКИХ СТРАДАНИЙ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

В настоящей статье рассматриваются особенности художественного воплощения темы детских страданий в повести В.И. Белова «Привычное дело». Проблема несчастного детства рассматривается автором в тесной связи с социально-экономическими условиями жизни русской деревни 1960-х годов.

В.И. Белов, повесть, «Привычное дело», тема детских страданий, образ ребенка.

Тема детских страданий заявляет о себе со всей очевидностью в русской литературе второй половины XIX столетия. Эта тенденция охватывает довольно большой круг писателей эпохи: Ф.М. Достоевский, Н.Г. Помяловский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Гарин-Михайловский. Страдания и унижения ребенка как тема русской беллетристики второй половины XIX века проявляется в контексте особых идейных установок. Писатели стремятся указать на виновников мучений маленьких героев. Ситуация укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (родители, учителя). Вся эта конфигурация возможна при одном обязательном условии: общепринятым, устоявшемся представлении о детстве как безусловно счастливой и безмятежной поре, норме, нарушение которой влечет за собой неизбежное осуждение.

В конце XIX – начале XX века тема детских страданий нашла широкий отклик в произведениях В.Г. Короленко, А.П. Чехова, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева, М. Горького. Проблематика несчастного детства рассматривалась в контексте ведущих художественно-эстетических направлений и течений эпохи (реализм, символизм, декаданс), философских воззрений (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), острых проблем современности. Главная задача писателей этого времени – напомнить о необходимости возвращения к основополагающим нравственным законам, представлениям о любви и уважении друг к другу. В этом виделся оптимистический путь решения проблемы детских страданий.

В произведениях последующих поколений отечественных писателей (А. Платонов, М.А. Шолохов, В.П. Катаев, В.О. Богомолов, В.Г. Распутин, В.П. Астафьев и др.) тема тяжелого детства раскрывается в обязательной связи с социально-историческими событиями (революция, Гражданская война, Великая Отечественная война). Герой-ребенок осмысливается жертвой преобразований, происходящих в стране, испытывает все трудности военной поры, становится в один строй со сражающимися взрослыми. В 1950–1960-е годы тема детских страданий не теряет своей актуальности. Несчастное детство, трагическое поло-

жение ребенка оказались особенно близки русскому писателю второй половины XX века Василию Ивановичу Белову (1932–2012).

Тема детства и образ ребенка являются одной из художественных доминант творчества автора. В ее решении нашел отражение целый ряд важнейших духовно-нравственных, этических, философских, социальных, педагогических взглядов писателя, сопряженных с острыми проблемами современности. Во многих беловских произведениях преломляются события и переживания собственного детства, неразрывно связанные с историческими событиями. Обращение к теме детства позволило писателю раскрыть своеобразие творческой манеры, обнаружить оригинальность, самобытность, уникальность художественного мышления.

В повести «Привычное дело» (1966) широко представлена тема детства. Героям-детям автор посвящает целые главы, раскрывая их и как общность, объединенную крепкими родственными узами, и как отдельных персонажей, обладающих индивидуальным темпераментом, неповторимым взглядом на окружающий мир, людей и природу. В повести изображены дети разных возрастов, что также определяет своеобразие личности каждого из них.

Писатель предпринимает попытку воссоздать специфику младенческого мирозерцания и мироощущения в главе «Детки». Шестинедельный Иван, девятый ребенок в семье Ивана и Катерины Дрыновых, пребывает в состоянии безмятежности и счастья: *Ему было хорошо* [1, с. 144]. За время своего недолгого пребывания в оторванности от материнской пуповины он успел перейти от способности *ощущать твердое и мягкое, теплое и холодное, светлое и темное* (Там же) к различию звуковых оттенков. Главной потребностью младенца является утоление голода, и эта жажда *не исчезала даже во сне* (Там же). Ваня еще не обладает умением *отвлеченного, нефизического сознания* (Там же) своих желаний, не различает состояния между сном и явью. Его существование не омрачено ни горем, ни страданием, поскольку он еще слишком мал для их понимания.

Полуторагодовалый Володя ведет *борьбу с младшим шестинедельным братом за люльку* (Там же, с. 145).

Причиной такого поведения является состояние острой детской тревожности. Малыш не просто воспринимает люльку своей собственностью, он болезненно переживает отсутствие матери, вынужденной зарабатывать на хлеб насущный. Ощущая собственную беззащитность, ребенок обретает внутренний покой и безмятежность, находясь в колыбели: *Еще ему хотелось, чтобы рядом была мать, и эта тоска, боль оттого, что матери нет рядом, сама собой выливалась в жажду завладеть люлькой.* <...> *Володька лежал в люльке довольный и успокоившийся* [1, с. 145]. Подобная «зависимость обусловлена подсознательной “памятью” ребенка о его внутриутробном нахождении, которое связано с безопасностью и комфортом» [13, с. 146]. Обратим внимание, что мальчику *хочется, чтобы люлька качалась, чтобы оцеп скрипел как обычно* [1, с. 145]. И это не случайно, так как образ колыбели, хранящей воспоминание о матери, «сопряжен с движением, колебанием, которое испытывает плод, находясь в утробе матери при ее перемещении» [13, с. 146].

В отличие от младшего брата, Володя уже хорошо знает *все звуки родимой избы* [1, с. 145]. Скрип двери особенно болезненно воспринимается ребенком, так как он подразумевает, что бабушка – единственный постоянно рядом находящийся близкий взрослый человек – вышла из дома. Ее отсутствие вызывает у мальчика приступ *невыносимой тоски* и чувство *одиночества*, поскольку *тоска по всегда отсутствующей матери точила его сердечко, а когда уходила бабка, ему было и вовсе невмоготу* (Там же).

Маруся, четырехлетняя сестра Ивана и Володи, также мучается от того, что мамы постоянно нет дома. Девочке не свойственно яркое проявление эмоций, ее внутреннее состояние обычно скрыто от посторонних глаз. Однако только одно *«упоминание о матери» «отражается» на ее личике «долгой изумленно-тревожной улыбкой»* (Там же, с. 146). Радость буквально преображает задумчивую девочку, она озаряется светом, исходящим из глубины души. Ласковое слово *мамушка* (Там же), произнесенное героиней, подтверждает ее любовь к матери.

В раскрытии глубинных переживаний героини особое значение обретает образ люльки. Эта особенность была отмечена в работе исследователя, определившего, что одним из художественных приемов писателя является «изображение вещей», «направленное на выражение мироощущения героев, их душевных порывов и состояний» [5, с. 9]. Внутренняя тоска девочки по матери выражена через замечание автора, сделанное вскользь, но заключающее в себе важнейший смысл: *...ей иногда тоже очень хотелось в люльку* [1, с. 146]. Кроме отмеченного, образ люльки предстает «главным элементом домашнего пространства» семьи, «символизирующим идею рода» [13, с. 144]. Бабка Евстолия просит маленькую Марусю покачать братцев, находящихся в колыбели, то есть «выступить в роли функционального двойника собственной матери», что, в свою очередь, «обретает особый психологический драматизм, поскольку, качая братиков, Маруся думает об отсутствующих родителях» (Там же).

Образ снега выражает высокую степень переживаний героини. Для Маруси он важен потому, что по

нему *ушла мама* [1, с. 146]. Природный образ и скрытая тревога ребенка становятся единым целым, снежный холод выражает острое чувство незащищенности девочки, ее уязвимость, ранимость, оставленность. Это чувство усиливается от осознания того, что *и папы нет* (Там же). В детском сознании семья как сплоченная целостность распадается. Героиня перестает чувствовать тепло и уют родного окружения, что лишает ее душевного покоя.

Маруся «отличается от остальных детей в семье глубокими недетскими переживаниями, которые тем драматичнее, что девочка не может их выговорить» [13, с. 145]. Возвращаясь из больницы домой, мать интуитивно угадывает тоску и печаль дочери. Еще не видя девочки, она *вдруг почувала, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди* [1, с. 168]. Писателю «удается передать проявления глубочайшей внутренней связи матери с детьми» [3, с. 64]. Автор создает тип «эмоционального» портрета маленькой героини, делая особый акцент на глаза: *И столько детской тоски по ласке, столько одиночества было в этих глазенках, что Катерина сама заплакала, бросилась к ней, прижала девочку к себе* [1, с. 168].

Образ-вещь (*большая тряпичная кукла* (Там же)) обретает важный смысл в постижении внутреннего мира Маруси. Очевидно, что игра с куклой, воспроизводящая отношения матери и дочери, помогает девочке скоротать дни тягостного ожидания возвращения самого близкого и родного человека. Как верно замечено исследователем, проблема «недостатка материнского внимания <...> в повести поставлена предельно остро: Катерина почти не бывает дома, и для Маруси постоянное отсутствие матери, являющейся смыслом всей ее маленькой жизни, – трагедия» [13, с. 144–145].

Средней дочери Дрыновых, Катюшке, приходится выполнять роль постоянно отсутствующей матери, что влечет за собой неизбежность раннего взросления. Ее школьные уроки всегда аккуратно приготовлены с вечера. Когда утром плачет младший брат Володя, девочка немедленно просыпается и берет ребенка на руки. Ее строгого руководства опасаются шестилетние близнецы Миша и Вася (*Катюшка каждый раз велит им умываться, такая начальница*), а также *ленивый соня* [1, с. 147] Гришка. Гришка про себя называет сестру *учительницей*, недовольно отмечая, что она *все видела – как Гришка жил и что он делал* (Там же). Перед началом покоса Катюшка *по-взрослому затолкала выехавшую из Гришкиных штанов рубаху* (Там же, с. 221). Мать уже приучает девочку к крестьянскому труду, понимая, что она должна стать хорошей помощницей в ведении домашнего хозяйства.

На первый взгляд, все перечисленное не выходит за рамки обычного воспитания в крестьянской семье: «В традициях русской крестьянской на шестом году жизни дети включались в трудовую активность взрослых – мальчики обычно пасли телят, овец, гусей; девочки учились прясть и ткать, нянчили младших детей, помогали матери по хозяйству. Воплощение этих традиционных устоев находим и в повести В. Белова» [4, с. 42]. Писатель акцентирует внимание на ином аспекте, напрямую связанном с проблемой детских

страданий. Катюшка в полной мере осознает опасность, нависшую над жизнью матери после первого приступа болезни, становится *невеселой: иной раз несет <...> ложку ко рту, да так и не донесет, задумается* [1, с. 169]. Однако самое страшное потрясение в ее маленькой жизни происходит позже, во время сенокоса. Девочка вместе с братом Гришей становится свидетельницей второго сердечного приступа Катерины, приведшего через некоторое время к смертельному исходу. Заметив, что мать упала, Катюшка и Гриша сразу понимают, что случилась непоправимая беда: *Гришка <...> чуть не упал с черемухи, заплакал, ободрал до крови живот, слез на землю. Подбежала Катюшка, и они с Гришкой заревели в голос, заревели на весь лес* (Там же, с. 223). Болезнь и смерть матери становятся травмой, которая, несомненно, останется в душах детей на всю жизнь. Дальнейший жизненный путь Катюшки будет связан с оставлением отчего дома, работой и жизнью у чужих людей.

О старших детях семьи Дрыновых (Татьяне и Анатолии) сообщается не прямо, а косвенно, в монологе бабки Евстолии. Тема страданий оказывается ведущей при описании их жизни. Главный мотив детских жалоб – оторванность от дома и семьи. Татьяне *«напостыло» жить «в чужих людях, ведь уж год скоро, как в няньки отправили, а домой-то охота»* (Там же, с. 154). В изображении Анатолия основным становится мотив плача: *Анатошка-то <...> всю неделю в школе и живет, а как придет на выходной, так и заплачет: «Не посылай, – говорит, – бабушка, меня в школу-то, лучше, – говорит, – буду солому возить», В понедельник-то рано надо вставать, встанет, пойдет да и заплачет* (Там же). Но и находясь в родном доме, Анатолий не обретает желанного душевного умиротворения. Он обеспокоен серьезным ухудшением здоровья матери, внутренне напряжен и тревожен.

Близнецы Миша и Вася – самые жизнерадостные, непоседливые, озорные и беззаботные среди детей Дрыновых. Впервые они появляются на страницах повести в эпизоде, описывающем один день из жизни семьи (глава вторая, часть первая «Детки»). Мальчики просыпаются совершенно счастливыми, их *насквозь пронизывает <...> утренний необъяснимый восторг*, от которого *им захотелось то ли завизжать, то ли полететь* (Там же, с. 146). Близнецы воспринимают друг друга единым целым, все делают вместе: *Васька дотронулся пальцем до самовара, и Мишка дотронулся, Мишка подул на палец, и Васька подул* (Там же, с. 147). Их не тревожат никакие заботы о малышах и домашних делах. На младших братьев, Володю и Ивана, мальчики смотрят с отстраненным любопытством, воспринимая их некими непонятными существами, один из которых плачет, а другой молчит. Детей переполняет жажда движения, поэтому, не умывшись и не дожидаясь еды (Там же), они быстро одеваются и выбегают на улицу. Мальчики очень общительны и нередко к себе в гости приводят *человек шесть сотоварищей* (Там же).

Среди героев-близнецов особенно пристальное внимание уделено образу Васи. Значимыми в изображении маленького героя становятся два эпизода. В одном из них раскрывается творческая одаренность

мальчика, его душевная чуткость к устному слову – сказкам бабушки Евстолии, которые он готов слушать бесконечно. Из всех детей именно Вася нетерпеливо подталкивает рассказчицу к продолжению занимательной истории. Второй эпизод связан с орденом, полученным Иваном Африкановичем во время Великой Отечественной войны. Вскользь услышанные разговоры взрослых о прошедших военных событиях приводят мальчика к мысли надеть *на пузо орден Славы* [1, с. 178]. Ребенок понимает, что орден дается за проявление мужества и храбрости, и, пока в игровой форме, приобщается к «воплощению доблести и отваги» [13, с. 148]. Мальчик в какой-то степени становится «соучастником» военного подвига отца, его смелости и бесстрашия.

Выше нами уже отмечалась особая роль образности в художественном мире В.И. Белова. В повести «Привычное дело» орден становится особым знаком судьбы, прообразом трудного будущего. Безбоязненность, сила духа, способность переносить любые испытания понадобятся Васе в дальнейшей жизни. Трагические события нарушают безмятежное существование близнецов. Вася и Миша – единственные из детей Дрыновых, попавших после смерти матери в приют. Переживания детей не раскрываются автором в полной мере, об их судьбе мы узнаем из рассказа-жалобы бабки Евстолии и покаянного слова Ивана Африкановича, произнесенного на могиле жены. Отец уверяет себя: *Да ведь они санпалы у нас, двойники-то. Остались там, хоть бы им что* [1, с. 260]. В этом замечании скрывается многое: и душевная стойкость, проявленная детьми в тяжелой ситуации, и гордость за сыновей, мужественно переносящих разлуку с домом и семьей.

Обращаясь к теме детских страданий, писатель рассматривает ее в контексте современности. Он показывает, что сложившиеся социальные, экономические условия в жизни русской деревни 1960-х годов таковы, что женщина, мать большого семейства, не имеет возможности заниматься домом и детьми. Она вынуждена оставлять только что родившегося младенца (это происходило после каждого родов), других малолетних детей и идти работать на ферму. О трудовой и семейной жизни Катерины рассказывает бабка Евстолия: *Встанет-то в третьем часу, да придет уж вечером в одиннадцатом, каждой-то божий день эдак, ни выходного, ни отпуску много годов подряд, а робетешка-ти? Ведь их тоже – надо родить, <...> ведь это тоже на организм отраженье давало. А она как родит, так сразу и бежит на работу* (Там же, с. 241). В этом кроется причина трагедии, разыгравшейся в семье Дрыновых: Катерина, надорвавшись от чрезмерной физической нагрузки, умирает в расцвете лет. Дети остаются сиротами, самые маленькие из них (Иван, Володя) совсем не будут помнить матери. По сути, «со смертью матери разрушается целостность своего мира семьи и мира детства, пространства дома» [8, с. 51]. Можно согласиться с мнением исследователя, что «Белов острейшим образом чувствует трагизм отдельной человеческой судьбы и трагизм сельской семьи в целом» [5, с. 7].

Иван Африканович, глава семьи, бывший фронтовик-разведчик, в мирной жизни не способен своим

трудом прокормить семью. Все занятия, традиционно относящиеся к «мужской» работе, почти не приносят дохода. Иван Африканович не отказывался трудиться, напротив, «он вставал раньше Катерины, после вторых петухов, и еще затемно пилил дрова», «когда обозначалась заря, брал топор, рыбную сумку и шел к реке и озеру, проверять верши, наловились ли рыба», «от утренней зари до вечерней косил колхозное сено, а ночью уходил пешком за семь верст в лес и обкашивал поляны для своей Рогули (коровы), затем возвращался обратно, спал два часа и снова уходил на колхозный покос» [7]. Уход из родной деревни на заработки также не увенчивается успехом.

Не случайно повесть «Привычное дело» из-за остроты поднятых в ней социальных, экономических, нравственных проблем жизни деревни и крестьянской семьи встретила серьезные препоны во время первой публикации. Журнал «Новый мир» и редакция «Советский писатель» отказались печатать повесть. Некоторыми критиками высказывались мнения о том, что писатель «оклеветал колхозное крестьянство» [10, с. 52]. При этом «писатели-“деревенщики” не скупилась на оценки самого высшего порядка» (Там же), по достоинству оценив произведение.

Хорошо зная бедность деревенской жизни, бесправие крестьянина, обреченного непрестанно тяжело трудиться в колхозе и дома, Катерина и Иван Африканович желают своим детям иной, лучшей участи. Поэтому они настойчиво, стараясь не обращать внимание на жалобы Татьяны и Анатолия, направляют их устраивать свою жизнь в городе: <...> *оба с Катериной в голос, пусть, говорят, паспорт получает, чего в колхозе молодым людям?* [1, с. 155]. Писатель отразил начавшийся процесс угасания деревни.

Примечательно, что В.И. Белов, обращаясь к теме детских страданий, раскрывает ее, следуя традициям своих литературных предшественников, когда описание трагического положения ребенка сопровождалось обнаружением причин возникновения такой ситуации. При очевидном сходстве можно отметить и существенные различия в обрисовке проблемы несчастного детства. В произведениях Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Гарина-Михайловского обязательно присутствует обличительная интонация. В повести Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1849) обличение вложено в уста героини: *Что же мамаша так любит дедушку, а он ее не любит? <...> Отчего же Иисус Христос сказал: любите друг друга и прощайте обиды, а он не хочет простить мамашу?* [6, с. 415]. В очерки «Пошехонская старина» (1883–1884) М.Е. Салтыкова-Щедрина включены рассуждения автора о педагогической «системе»: *педагоги, служащие ей не только за страх, но и за совесть, делают ребенка злосчастным* [11, с. 79]. В очерке Н.Г. Гарина-Михайловского «Исповедь отца» (1896) обвинение звучит еще более определенно и персонафицировано: *Этот крошка приходил сюда, на землю, чтобы спеть свою маленькую, очень коротенькую песенку любви. Ты <отец> мог этому певцу дать все счастье, – оно от тебя зависело. Ты дал ему? Ты отнял у него это счастье* [2, с. 42]. В повести В.И. Белова «Привычное дело» ближний и дальний социальный мир, окружающий маленьких героев, не подвергается

прямой критике. Несовершенство условий жизни, приводящих к трагическим последствиям и детским страданиям, представлено в монологах-исповедях Ивана Африкановича, рассказах-жалобах бабки Евстоли, повествовании от третьего лица. Герои лишь констатируют тяжесть существования, повествуют о глубине личных переживаний, но не критикуют и не обличают.

Повесть В.И. Белова «Привычное дело» относится к «деревенской прозе» – «термин, который вошел в критический и литературоведческий обиход в 1960-е годы» [9, с. 8]. Произведения о трудном детстве, созданные В.П. Астафьевым («Последний поклон», 1968), Ф.А. Абрамовым «Трава-мурава», «Братья и сестры») и др., становятся «обращением к художественному осмыслению своей жизни в пространстве деревни и России» [8, с. 50]. Тема тяжелого детства здесь соотнесена с социальными, экономическими, нравственными проблемами русской деревни, историческими катаклизмами 1930–1960-х гг. Вместе с тем, можно говорить о разных повествовательных дискурсах произведений: «Последний поклон» написан от первого лица и строится как воспоминание автора о своем детстве, повествование в «Привычном деле» ведется от третьего лица. В произведениях Ф.А. Абрамова «детство так сопряжено со взрослой жизнью, что ни на мгновение не является беззаботным временем, становясь этапом жизни, ограниченным во времени и пространстве, эмоциональные смыслы которого исчерпаны в настоящем времени, уже ставшим прошлым» (Там же, с. 51). Впрочем, вопрос и преемственности и новаторстве В.И. Белова в раскрытии темы детских страданий требует отдельного детального исследования.

Таким образом, одной из важных тем, поднятых в повести В.И. Белова «Привычное дело», является тема детских страданий. Основное внимание в произведении уделено описанию жизни семьи, в которой дети страдают от постоянного отсутствия матери, ранней трудовой повинности, невозможности оставаться в родном доме из-за необходимости продолжать обучение, угасания русской деревни. В раскрытии внутренних переживаний маленьких героев важное значение обретает образ-вещь (люлька, кукла, орден). Тема несчастного детства включена автором в контекст современности и осмыслена в рамках «деревенской прозы». Причины тяжелого положения героев-детей, представленные в повести, обусловлены социально-экономическими условиями жизни русской деревни 1960-х годов. Обращаясь к теме тяжелого детства, В.И. Белов следует традициям отечественной литературы о «несчастном детстве», представленной в произведениях Ф.М. Достоевского, Н.Г. Помяловского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Гарина-Михайловского и др. Одновременно с этим проблема несчастного детства в его произведении получает оригинальное решение, проявляющееся в обращении к проблемам современности, попытке передать специфику младенческого миропостижения, внимания к образу-вещи, соединении природной образности и внутренних переживаний героя-ребенка, введении монологов-исповедей, рассказов-жалоб персонажей, отсутствии прямой критической направленности текста.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 1. Рассказы, повести, очерки / В. И. Белов. – Москва : Современник, 1991. – 608 с.
2. Гарин-Михайловский, Н. Г. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 4. Очерки и рассказы, 1895–1906 / Н. Г. Гарин-Михайловский. – Москва : Художественная литература, 1958. – 724 с.
3. Головкина, С. Х. Нравственные традиции формирования семьи в повести В. И. Белова «Привычное дело» / С. Х. Головкина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6 (75). – С. 63–66.
4. Головкина, С. Х. Образное воплощение темы детства в повести В. И. Белова «Привычное дело» / С. Х. Головкина // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. – 2021. – № 4 (23). – С. 40–44.
5. Дворянова, Н. В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В. И. Белова 1960–1970-х годов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Дворянова. – Москва, 2008. – 25 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Том 2. Повести и рассказы, 1848–1859 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 527 с.
7. Мелкумова, К. К. Взгляд на семью сквозь призму социально-бытовых проблем (по повести В. Белова «Привычное дело») / К. К. Мелкумова // К особенностям инициатив с географическим признаком объективирующих концепт Sibirien в немецкой концептуальной картине мира. – URL: <https://textarchive.ru/c-2149214-p40.html> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст : электронный.
8. Неверович, Г. А. Хронотоп детства в деревенской прозе / Г. А. Неверович // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1–2 (56). – С. 49–51.
9. Партэ, К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / К. Партэ. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2004. – 204 с.
10. Розанов, Ю. В. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в общественно-политической ситуации 1960-х годов / Ю. В. Розанов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 7 (184). – С. 51–55.
11. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений. В 20 томах. Том 17. Пошехонская старина / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 624 с.
12. Суворкина, Е. Н. Колыбель: культуролого-этнографический подход к исследованию первого внеутробного локуса / Е. Н. Суворкина // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46. – С. 86–93.
13. Федорова, А. В. Детская игра как прием гендерного моделирования в повести В. И. Белова «Привычное дело» / А. В. Федорова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 6 (81). – С. 143–149.

E.Y. Shestakova

THE TOPIC OF CHILDREN'S SUFFERING IN V.I. BELOV'S NOVELLA *THE USUAL THING*

The article examines the features of the artistic embodiment of the theme of children's suffering in V.I. Belov's novella «The Usual Thing». The problem of unhappy childhood is considered in close connection with the socio-economic conditions of life in the Russian village in the 1960s.

V.I. Belov, novella, «The Usual Thing», the theme of children's suffering, the image of a child.